

Бунт / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 22 января, 2025

Бунт / рассказ БУНТ

Бунт вспыхнул на рассвете, с ударов о казан, и я сразу догадался, что – исфаринский, с примесью стекла, – это казан полуцыганки Малики. Он воет и на случайный мизинец, если же его трут галькой – издает шум сходящего селя. Когда полуцыганка идет к реке, в кишлаке начинается ругань.

– Малика, – умоляют ее женщины, – Бунафша с хирмана, у Зарины сердце, у Амины козы нервные, пожалей, душа! Но ведь ты отродье цыганское, свинья бессердечная, и что пользы умолять тебя?

И потому на рассвете общим сигналом звучал исфаринский казан Малики – полуцыганки. Под его рев женщины в пять с чем-то утра, когда Соляная гора уже дымится по краям, бросились на мужей с удвоенной яростью. Они, я позже узнал, ночью вынесли все их автоматы с ружьями, но пальбу устроила только Амина. Она живет напротив, в полуосевшем самане с черным от старости виноградником. На рассвете будит кашлем, когда доит коз. Услышав выстрелы, я взял фляжку и прильнул к окну. У развилки на Гиссар кто-то видел шайку Гебилса, отборную банду на двух танках. На днях армия с трудом выбила ее из пригородов Душанбе. Но не Гебилс, соседка-чахоточница Амина палила Сафару под ноги во дворе у колодца.

Босоногий Сафар метался по горячей земле, по топчану, по тыквам, сложенным для просушки.

Затем, обретя юношескую легкость, махнул через дувал и исчез в пшеничном поле. Амина разбегающимися очередями стреляла вслед. Она едва удерживала автомат, его водило так, словно пшеничное поле и часть неба кишели сотнями ненавистных Сафаров. Фурия могла решить, будто все они укрылись у меня, полоснуть по

окну, и я отбежал, вначале на коленях, в гостевую половину. Здесь увидел, что с ума сошла не только чахоточная. Окна в гостевой выходят на центр Бадьяна, собственно, на весь кишлак. Бадьян – это три десятка домов, наплывающих вишней и воротами на пятачок с памятником Шарипову. И во всех дворах, кроме двора полуцыганки Малики, шла битва. Рассвет, как часто в горах, был слепой, в воздухе – кисель, мешали вишни, поэтому я видел сражение теней. Мужских и женских. Они бегали, сплетались, падали, кто-то на ком-то сидел и сек рукой, как саблей. У Малики ревел и ревел казан, пока из мужской половины не выскочила рослая тень. Она, тень, ринулась через овин к зимней кухне. Рев затих, и завывала Малика голосом столь же дурным.

– Уубей, о Аллах!

Ее слова будто расколдовали прежнее безмолвие битвы, очистили глотки – в кишлаке все разом закричало: “Малика, по глазам... Муж не тот? Шохский лучше муж?... Уй, глаза... Волчица... Пес... Не муж ты, не муж ты.... Оторвешь, ддура! Шавли, бей ружьем...”

Где-то вновь загремели очереди. Амина? Фурия выплыла из-за бокового флигеля. Простоволосая, она шла к центру Бадьяна. Я ахнул. К центру Бадьяна шла скифская царица Томирис. С яростной полуулыбкой она двигалась в разгар известной битвы с персами, чтобы не схороненной на фланге конницей, не тайным резервом, а ледяным царским величием, помноженным на дивную красоту, увлечь уцелевших в атаку, поставить в сражении решающую точку. Я смотрел на нее, открыв рот. Много раз слышал, как в драке Сафар, вытягивая Амину по спине электропроводом, орал: “Курбока (1), маймун (2)”, но обезьяна она – нет, так и не понял: лицо женщины всегда укрывал черный платок. Теперь его нет, и она – Томирис.

Она доплыла до Шарипова, автомат висел у нее на груди, перебросила его на плечо и, целясь поверх окон, начала стрелять влево-вправо – везде, где звучал отчаянный бабский визг. Брызнули окна, защелкала наструганная лоза. С чердака

Махиры упали с санные кипы, в огороде выбило бельеые столбы. У соседки Гули у виноградника надломились верхние опоры, и он рухнул, обвалив крышу айвана...

Амина шла в глубь Бадьяна. Она стреляла, как всякая женщина, – закрыв глаза, отключив разум, прочее же доверив небу. И оно благоволило: мужчины трусили. Они решили, что по ним ведут огонь со всех сторон. Я увидел бегущего по площади Салима, мужа Зарины. На нем была пижама в бурых потеках, с переносицы текла кровь. Он засмеялся – я развел руками. Он показал ноги – я кинул в форточку свои туфли. Салим сунул их под мышку и побежал за угол дома.

Бегства других я не видел. Они удрали через бурьянный пустырь – единственное место, не просматриваемое из моего окна. Пустырь тянется до Арчового оврага, перескакивает и идет вдоль Соляной горы, чтобы, обогнув ее, выйти обрывом на гиссарский проселок.

Абу – контрабандист, муж свихнутой Шавли, спускаясь к проселку, сломал руку. Час, пока их не подобрал гарнизонный автобус, он колотил дорогу сломанной рукой и разговаривал, чудесно обрета речь (он немой с рождения).

– “Ыавли, – кричит, – уййю, уййю!” – хохоча, описывал мне потом Мафтун, когда явился парламентаром.

В кишлаке стало тихо. Тишина молчала около получаса и опять заголосила, и это были голоса победы:

– Сено мое, Амина!..

– Что?

– Айван вдребезги. Что-что! Безглазая!

– Айван? Идите на площадь (такие и такие) и...

И на площадь хлынули бабы, молодые и всякие. Они кричали: “Агага!”, топотали, обнимались. Шавли в платье, разодранном у

плеча и на животе, хохотала в непристойном танце. Шарипов наполовину исчез в кипени платков, кос, гиссарских малиновых тюбетеек, а бадьянки все прибывали. Кто-то бросался к свихнутой, другие неостывшими еще, kloкочущими голосами обсуждали недавнее. Малика, чуть поодаль, радовалась старым женским способом – пронзительным ревом. Пришла хмурая Амина. Она подозвала Сайеру, Махбубу, еще каких-то девушек и услала их в разные стороны. Сайера с Махбубой побежали к автостанции, неизвестные ушли к бурьянному пустырю. Шавли схватила Амину за плечи, чтобы затянуть в свой языческий пляс. Амина увернулась. Она села на корточки у арыка и гладила переносицу: “Обнимайтесь, пляшите, – говорила ее фигура, – только скоро будет жарко”.

Шавли изо всех сил хлопала танцующих по бедрам. Амина вскочила, окликнула свихнутую, Шавли отмахнулась. Фурия шлепнула ее прикладом, и они ушли куда-то. Я распахнул окно, вытащил фляжку.

На пяточке бесновалась коза. Зарина, разведя колени, волокла за рога ее и с ней – земной шар, в чьи недра животное прочно запустило все четыре ноги. За ними шла пыльная девочка с охалкой хвороста. Изредка она перехватывала хворост и пинала козу в зад. Я поднес фляжку ко рту, но меня со смаком хлопнули по спине, и я стукнулся лбом о раму, залив грудь. Шавли, неизвестно как оказавшись в доме, еще раз хлопнула по мне, а другой сюрприз – фурия, оглядывая лепнину, сказала:

– Водку любишь? Пьяница, да? Водишь машину?

– Нет грузовика, – крикнули с автостанции, – ветеринарка только.

– А солярка? – оттолкнув меня, сунулась в окно Амина. – Есть? Есть? Сайера, есть? – раздраженно спрашивала она. – Я Генерала велела брать, Зарина!

– Погоны у него? – вспыхнула Зарина. – Велела она! Иди и лови.

– Солярка в боксе, – доложили с автостанции.

– Вожу, – сказал я, оторвавшись от фляжки. Шавли смотрела на меня озорными, небесными глазами умалишенной.

Амина еще поговорила из окна, затем побежала из дома, дернув меня за рукав – за мной, мол.

Веселье затихало. Женщины, освобождая Шарипова, по одной уходили в сторону, садились на корточки. Явилась тоска – сестра всякой радости. Покачиваясь на корточках и жмурясь, они видели родные кишлаки, девчонок, пинающих ляngu, еще что-то, отчего стали напевать. Открывали увлажненные глаза и видели пьяного меня с Аминой. Без конца кашляя, она объясняла дорогу.

– Не доезжая комендатуры, где свалка пограничников, сворачивай в ущелье... – на ходу говорила она. – Вещи брать – по сумке, деньги – до последнего дирама. Кто без детей – в Чон-Алай. Собираться на автостанции, – приказывала, летя по площади. – Бунафша, ковры не носи – сожгу.

Рослая девушка с зелеными от усымы бровями спросила, приподнявшись:

– Свекровь моя дверь выламывает, что делать с ней?

– Наруби помельче и отправь Усману, – бросила Амина, но через пару шагов обернулась: – Бунафша, эй! Это шутка, выпусти куда хочет.

– Нарубит, – сказала полуцыганка Малика.

Женщины улыбались в сложенные у губ ладони, затем, отряхивая колени, стали криво подыматься, чтобы разойтись за вещами.

На автостанции звенело и материлось: Сайера сбивала камнем навесной замок с ворот одного из ремонтных боксов. Зарина совала ломик под нижнюю часть створок. Амина показала на эстакаду и, бросив автомат за спину, ушла помогать с воротами. Я влез в ветеринарку – молочный дряблый УАЗ-буханку. Завелась

хорошо, минут десять подержал ее на холостом ходу. Вдруг обороты стали падать, я чуть подбавил. Двигатель взревел и начал вразнос набирать обороты, потянуло горящим маслом. Сзади, как у старого мопеда, повалил синий дым. “Масло идет в глушитель, – подумал я. – Гляну сапун”.

Не глянул: рев прекратился, двигатель осекся и заработал ровно, синий хвост исчез. Заглушил мотор и вышел. Женщины бежали спинами вперед, распахивая ворота. Я делал глоток за глотком. Из кишлака показались первые бадьянки; впереди шла Шавли с автоматом, за ней – полуцыганка Малика с сумкой и медным тазом и Бунафша с ружьем и свернутым ковром на плече. Они пробирались к автостанции напрямую – через поле ноябрьского ржавого хлопчатника.

– Кто остался? – крикнула им из бокса Амина, она выкатывала бочку с солярой.

– Еще подойдут десять девчонок. Как вчера говорили. Зарина козу разделывает, остальные вещи стригут и в колодце топят, чтобы золовкам не дарить, – ответила полуцыганка. – Другие уже ушли с детьми к проселку.

– Я его не оставляю, – с угрозой сказала Бунафша, показала на ковер.

Амина, разгибаясь, сказала “пуф-пуф” и обернулась ко мне:

– Эй, фляжка, пятьдесят литров хватит?

– Смотря куда.

– До Джиргиталя, через границу. Там к киргизам в Чон-Алай, где... – говорила Амина, во что-то вслушиваясь. – Машина едет.

– Мафтун, – сказала полуцыганка Малика. Они уже выбрались из хлопчатника и подходили к боксу. Шавли навела автомат на подкатывающий “уазик” и закричала:

– Ба-ба-ба!

– Ешьте сахар (3), – прохрипел Мафтун-полковник. Он вылезал из машины, готовый лопнуть от смеха.

– Спасибо. Со свадьбы давимся, – крикнула Амина и тыкнула в сторону Соляной горы.

– Ха-ха-ха, – отвечал Мафтун. Он ужасно смешлив. Улыбка, горящая полным ртом золота, не сходит с его губ. Лейтенант, который вез меня в Бадьян, рассказывал, что в гражданскую войну Мафтун хохотал, как в цирке, когда шохцы, изловив полковника и его десант, жгли ему пятки в местной бане-пыточной. И расстреливал он в ответ легко, с озорством, сыпал истории о Насреддине так, что рослые шохцы, перед тем как повернуться к нему спиной, прыскали в кулаки.

Разведя руки, он шел к нам и смеялся, но я видел, как бабы посерели от страха. Все, кроме Амины и Шавли. Никто из женщин не решился бы на бунт, если бы Мафтун ночевал в кишлаке. Он нечасто появляется в Бадьяне, неделями пропадая в гиссарском гарнизоне. Его жена умерла год назад, и об этом я слышал тяжелые слухи. Его дом не пуст – в нем вторую неделю живу я и, периодически созваниваясь, пишу ему – уже почти написал – военные мемуары. Свихнутая глядела на полковника с любовью. Амина же пинала бочку. Ее ладонь твердо легла на автомат.

Он остановился шагах в пяти от Амины. Умный полковник знал, когда оружием не пугают, и уговаривал Амину:

– Ушушу, – тайным шепотом уговаривал он ее.

Фурия вначале несмело, затем все запальчивее ругалась, Мафтун хохотал. Они спорили, загибали пальцы, Амина выстрелила ему над ухом, и он направился ко мне. Сказал, что бадьянцы попросили его уладить позор, я взят заложником, мужики меня, вероятно, не убьют, но обещали из душанбинца сделать евнуха. Посмеялись.

– Утром приедет наш Джамал, заведомо администрации Шарипова, – сказал полковник. – Я звонил из хукумата (4) в Душанбе,

через секретаря вызвал его. Скажи им, они тебе поверят, и Джамалу поверят, а он приедет утром.

– Скажу.

– Уй! Вчера, говорили, Сафар Аминку душил полдня. Я же просил его: не души, возьми плеть, как мужчина! Нет, говорит, хочу душисть. И додушился, зверь: в Чон-Алай бегут.

– Я верю Джамалу, – сказала чуткая на ухо Амина.

– Джа-ма-ма-ма... – замамкала Шавли.

– Но мы уходим к киргизам. Нет? – тряхнула автоматом Амина.

– К язычникам? – ложно изумился полковник, и Малика рассмеялась так, что заплакала.

– Вы – шейхи-пустынники, – сказала полуцыганка. Мафтун захихикал. Бунафша, громко выдохнув, подняла ружье.

Полковник взвел глаза, пошептался с небесами и сказал:

– Едьте, ваши отпустят вас. Се талок туда-сюда – и свободны. Только дождитесь Джамала. Ты веришь Джамалу, Амина? Да?

Из Бадьяна вышла оставшаяся группа женщин. Они гремели поклажей, кричали, гиккали, но, разглядев Мафтуну, замерли, пугаясь войти в хлопковые заросли.

Амина думала, почесывая стволом переносицу, и все глядели на нее: и Мафтун, и пьяный я, и бабы у боксов, и напуганные бабы у края хлопкового поля, и усталый Бог на небе, который знает: что бы ни выбрал человек, его “да” – всегда ошибка, его “нет” – всегда заблуждение.

– Да, мы останемся, – решила Амина. – До утра. Но не будет Джамала, Мафтун, – заводим машину. Клянусь, заводим.

Шавли зарычала, изображая мотор: “Уу-уу”. Перед тем как сесть в “уазик”, Мафтун хлопнул себя по сердцу. – Нет, говорит, хочу

душить, – вскричал он. – Гебилс даже...

И уехал.

У боксов зашумели. Амина всем бабам, с треском являвшимся из хлопковых кущей, говорила:

– Дождемся утром Джамала... Дождемся утром Джамала. Я верю Джамалу, – изредка добавляла она.

Женщины кивали и складывали на землю тюки с притороченными казанами. Бунтовщицы заняли все пространство между боксами и автостанцией. Неподалеку объявилась летняя чайхана – два столика и очаг.

– Обед, – сказала Амина, глянув на солнце и чему-то вздохнув, может, думая, что верит Джамалу.

Зарина ушла к колонке мыть козлятину. Малика сбивала деревянный козырек над дверью в диспетчерскую. Она была прикладом в опорные доски. По недоразумению козырек рухнул не на полуцыганскую ее голову, а слегка поодаль. Шавли ловко нарубила его на хворост. Бунафша, сидя на своем ковре, чистила лук.

Я разглядывал пустую фляжку. Амина спиной ко мне, на корточках, разводила огонь. Поскрипывала жара. Окрестность ушла в белесое и слепящее, Соляная гора играла с солнцем. Я влез в салон ветеринарки и спал, пока меня не разбудили на шурбо (5).

Бабы ели козлятину.

– ...когда новая сожглась, Джамал собрал совещание, – рассказывала Зарина. – Если, говорит, у президентского дворца сжигаются, что же, таджики, делается в кишлаках? В моем хотя бы родном Бадьяне? И велел губернаторам убрать солярку под замок. Пусть, говорит, ломают. Пока ломают – раздумают.

– Когда бокс вскрыли, у меня уже и в мыслях не было, – с

изумлением подтвердила Бунафша.

Малика пожалела меня:

– Трудно кушать?

– У моего тоже руки... – мелко затрясла руками Зарина. – В Шохе когда работал, на него прораб утром только посмотрит – назначал песок просеивать.

– В морду он тебе попадал, – заметила Малика.

– Все боялись, – ответила Зарина. – В Шохе, если его забирали в РОВД на машине, экипаж запирался в закутке с решеткой, его просили рулить и так уезжали. Утром возвращали.

– Когда утром? – спросила Бунафша.

Амина ответила:

– В десять не приедет – заводимся, что бы ни было. – Она сидела на крыльце диспетчерской и, не взяв мяса, ела суп с коленки. Остальные, сидя и полулежа, кушали вокруг очага. В горах зазвучали выстрелы, женщины отпрянули от шурбо.

– Гебилс? – с испугом спросила Малика.

– Киргизы, – послушав, сказала Амина. – Стреляют кабанов.

Бабы взяли тарелки. Дурак он, рассказывали мне в Бадьяне, налетает, как бешеный, произносит речь до ночи, кого-то убивает, если не в настроении, а на прощанье заставляет кричать: “Хайль набошад”¹.

Из-за театра свихнулся. В кишлачной школе на девятое мая всегда играл Гебилса – друга Гитлера. Он страшно похож на него, даже языком. Играл так, что люди насвай² не сплевывали по два часа. Пришел после в театральный, говорит: “Салом, я Гебилс”. Его не взяли, туда из богатых только берут. Тут война – и взбеленился он, рассказывали в Бадьяне...

Зарина собрала большим пальцем жир в тарелке, сунула в рот и сказала:

– Фидели его недафно. У разфифки на Гифар.

– Вот мне Гебилс! – пригрозила Амина, потряхнув автоматом.

Я украдкой смотрел на нее. Томирис!

Малика продолжала бояться:

– Свиной стреляют! К язычникам бежим...

– Ниссо там, – сказала Бунафша, – которая из Доста. Свекор к ней приставал, пока муж в Россию ездил. Она до вечера в поле, а потом в подполе запиралась. Рассказала однажды мужу, он ее избил, чтобы не клеветала. Когда же свекор опять полез, Ниссошка стукнула его сковородкой в челюсть. Он без сознания, шум, крики. Ее в милицию. На следственном эксперименте Ниссо ему челюсть доломала, из милиции выскользнула, прыгнула в киргизский грузовик – и до Оша. Лавку хочет открыть. Свекр сволочь...

Малика возразила:

– Возьми, Буня, двадцать любых свекровей. На них сволочами окажутся один-два свекра. А возьми наоборот: на одного-двух свекров сволочами выйдут двадцать свекровей.

– Свекровь хуже, – подтвердила какая-то женщина у очага, вытирая шумовку. – Свекры лучше.

– Свекр Мумин из Чуста... – сказала Зарина. – Его сын женился на бадахшанке Саодат. Второй женой взял – для сбора тыкв. Она быстро туберкулез схватила, вся в болячках. Рожать не может – тоже под самолетом Мустафо скакала. Муж тогда сходил к мулле с бараном и взял развод. Ее – пинком из дома. Села она у ворот, выбирает: утонуть ей или сжечься. И тут выходит свекор и говорит: “Отринь греховные мысли, бадахшанка. Я, старец, беру тебя в жены. Не будешь в постели моей, но будет

справедливость”. Сходил к мулле с бараном и завел ее в дом. Сыну же возгласил: “Сия – хозяйка в доме. Ее приказания – для тебе вовеки закон...” А он был суфий. Бунафша, заткни рот...

– На днях моя... – говорила женщина с шумовкой.

– ...ласково говорит: “Кому чаю?” – гневалась Бунафша. – Гостям это сказала. А мне плевать, говорю: “Мне”. Приносит горячий кумган в десять литров: “Пей все!” Муж с гостями орут: “Пей все”. Схватили за руки...

Я задремал у ветеринарки, утомленный шурбо и бунтом. Проснулся в сумерках. Резко похолодало. Малика выкручивала из козырька доски, прошитые жестью. Женщины продолжали сидеть вокруг уже невидимого очага. Солнце тащило вечер за Соляную гору. Бабы молчали. В молчании рождались ледниковые ручьи и звезды, которые светили себе, согревали себя, и Малика несла доски к очагу – разжечь огонь. Она сожгла их и ссыпала уголь в огромный медный таз. Обернула таз ватными одеялами, поставила в центр полукруга. Женщины, обхватывая плечи, придвинулись. Я остался на месте. Амина тоже. Фурия сидела на крыльце диспетчерской, смотрела на Бадьян. Полуцыганка взяла другой таз. Она налила в него солярки, скрутила из куска чапана два толстых фитиля, закрепила в тазу проволокой, подожгла.

– Все боялись... – синими от лампы губами сказала Зарина. Обняв колени, она смотрела вверх, на Бога, и он слушал ее, – ...даже свекровь. Ни разу ее мамой не назвал. А меня назвал, когда чемерицей отравился. Украли с зоотехником-украинцем настойку полыни, которая для пищеварения коровам, а в бутылке оказалась полынная чемерица – коровам для рвоты. Ночью слышу крики. Выхожу, лицо уже готовлю. Смотрю – зоотехник прилип к забору, его раз сто вырвало. “Мамцю, мамцю!” – зовет по-своему. И мой валяется и кричит: “Мама, мама...” Эта выбегает, а он: “Нет-нет, жену зову...”

Амина охнула:

– На бурьянный пустырь же отправляла двоих постом, – вспомнила

и, соскочив с крыльца, стала будить Сайеру и Махбубу, чтобы послать их на смену. Женщины, раздраженно бормоча, ушли. – Они голодные с утра, – злилась фурия.

– Там два дерева, полные тутовника, – говорила ей полусонная Малика. Амина пинала тазик – оживить ленивый уголь.

– Я посижу до утра, – сказала она.

Малика ответила:

– Ум.

Бадьянки дремали, уложив головы на грудь – себе или соседке – и зевая даже во сне. Амина пинала тазик, думала, шагая от печки к крыльцу. Женщина намолчалась за день, она упрекнула меня:

– Что как тюфяк, что молчишь?

– Вы бежите – я молчу... – ответил я. – Мы люди.

– Бежать лучше, – сказала Амина. – Надо бежать.

Она села на крыльцо, положила автомат к ногам и с мыслями глядела на коптящий тазик.

– На бирже плохо?

– А?

– Хлопок, – сказала фурия, – отдали по девять дирам. Почему, спрашиваю Зафара. “В Ливерпуле на бирже нехорошо”. Врет, сын у него женится.

Шавли угрожающе задвигалась.

– Ливерпуль, – сказала она, не просыпаясь.

– Пятнадцать дирам обошелся из-за солярки, – сказала Амина. – Факелами совку отгоняли. Ставили в поле шесты с паклей, мочили в солярке, а внизу – тазы с водой. Бабочка обжигается и падает

в воду... Потом солярку по указанию Джамала отобрали, ключи мулла Наим взял. “Совка идет! – кричим ему. – С голоду же подохнем!” “Не совка! Вы – самоубийцы проклятые, в ад идете!” – говорит. – Женщина почесала нос. – Я через два дня донос написала в муфтият, что он римскому папе кланяется.

– Через три, – уточнила во сне Зарина.

– Как это? – не поверил я.

– Кланялся, – сказала женщина. – В газетах давно предупреждали: некоторые в кишлаках, если летом мечеть строят, по незнанию михраб (б) направляют на закат солнца, а нельзя – предупреждали. В июне особенно солнце на закате сильно отклоняется на Запад. Люди из муфтията везде специально ездили, проверяли градусы, и нашу мечеть тогда проверяли, а она в июне строилась, и ахнули: михраб смотрит прямо на Италию. Наиму тогда указали, а он поленился, что ли, забыл... Не переделал. Когда выгнали его, он говорит мне: “Теперь точно в ад пойдешь”. – “А, – спрашиваю, – мой Сафар к гуриям?” – “Возможно”, – говорит. “И меня туда, – сказала. – Кто ему будет варить шурбо и разминать пятки, а? Гурии? – с недоверием усмехнулась фурия. – Все жены, даже плохие, если достойных мужей, обязательно заберутся в рай. Какая жена не варит шурбо, не разминает пятки?

– Разве не родившаяся, – не просыпаясь, сказала полуцыганка Малика.

Амина встала и ногой постучала по тазу.

Из темноты, с окраины, пришли женщины. Их рты были черными от тутовника. Они влезли в полукруг и в нем уснули, потирая холодные колени и плечи. В северных горах почти неслышно стреляли: языческие киргизы ли – кабанов, бессонный ли кого-то – Гебилс.

Амина и я смотрели вверх и думали о рае.

– А Сафару или Камалу шурбо варить? – засмеялась Амина. – Камал – первый муж, – пояснила, – его фронтовики в войну убили, он гранаты на коленях собирал. Две тонны... У нас хороший сад был. Пришли ко мне знакомиться, а мои ушли. Давай, говорю, здесь, в саду, подождем. “А что ждать, – говорит, – давай гранаты собирать”. Встали на колени, – Амина нагнулась и посучила руками. – Камал быстро собирал. Он из Шоха, шохцы быстро собирают. Отец за калиткой смеется: жених гранаты собирает?! Сафар меня когда бьет, говорит: “Камал кукурузник, его наши убили”. Я говорю: “Мы с ним на коленях гранаты собирали, а ты сволочь”. Отец... – фурия взялась за грудь и мстительно кашлянула в сторону Бадьяна, – когда отправлял сюда, плакал. “Прости, вдова, – говорит, – Сафар, он... зато...”

Полуцыганка Малика заскрипела зубами.

– “Кушать, Буня, станешь”, – говорил, – сказала спящая Бунафша.

Амина сказала ревниво:

– Я одна здесь вдова. Их так просто колотят, а меня – за гранаты... Они, – сказала женщина, – горные, у себя по неделям палец кушали. У нас же сад был. В сентябре и то и это... На коленях две тонны...

Зарина вскочила и, пригибаясь, убежала в темноту. У очага захихикали.

– Гранатов переела, – сказал кто-то голосом полуцыганки. Но сейчас же другая женщина шумно убежала в сумерки, за ней вторая и третья, и все, гогоча и ахая, бросились за боксы.

– Козлятина, – объяснила Амина. – С отвычки только конина хуже. Поели бы – встречали Джамала со спущенными штанами. А еще опасная...

– Или медвежьего корня, – крикнул кто-то из-за боксов голосом полуцыганки, вызвав сдавленные смешки.

– ...курица, – продолжала Амина, морщась на лампу. – У Шавли, знаешь, живот даже кору, даже медвежий корень переваривал. Но ей куриное крыло принесли, а нельзя: полкило опия в животе – смерть на месте. Час она боролась. Горянки же. Возьмет – положит, возьмет – положит. И съела! И такое, уй, началось! Один мешочек порвался – и по мозгам ей. Не умерла, откачали ее в самолете. Свихнулась только.

Я присвистнул:

– Глотательница? (7)

– Медвежий корень не взял, – говорила Амина. – Когда Шариф-дилер приезжал, мы его тут же ели. Мужики с Шарифом орут, за руки хватают, а мы мимо них во двор бегаем, зеленые, пока не отвязались они. Шавли же даже с касторкой медвежий корень не взял, а курица взяла. Горянки же. У них из птиц – одни грифы и летучие мыши.

– Уй, Амина, птицефабрика в Шаше была. Минорки (8) – по пять кило, – отозвался за боксами чей-то низкий голос.

– Летучие мыши у вас – пять кило, – зевая, отвечала Амина. – Минорки – самое большее три с половиной, если вы их, конечно, не надували, как баранов.

– Тш-тш, тш-тш, – зашипела за боксами Шавли.

– Они в Шаше, – сказала Амина, – до войны, как идти на базар, овец надували. Делали надрез на передней ноге и надували велосипедным насосом. А чтоб не сдохли, поили спиртом. – Фурия громко зевнула, передернув плечами. – У нас шашских овец всегда гоняли по базарной площади, смотрели – шатаются, нет. Убайд-гаишник даже с трубками приходил. А мой папа у шашцев не брал никаких, говорил: или надутые или у сворованные у шохцев.

– У семургских – воровали-то у наших, – поправила из-за боксов Бунафша, а низкий голос женщины из Шаша сказал: “Уф”.

Амина кивнула:

– Когда не у шохцев, тогда у семургских.

– У брата мамы, – сказал голос полуцыганки Малики, – за неделю украли пять коров. Он купил у киргизов-пастухов огромного алабая (9) за семьсот рублей, злого, как бешеный лис. Утром выпустил у коровника и сел, туда-сюда, с нардами у окна. Вечером у него украли оставшихся, а ночью – алабая.

– Шашцы? – с раздражением спросил низкий голос женщины из Ванча, и голос полуцыганки ответил:

– Нет, Шарипов.

Низкий голос возразил:

– Алмасты (10), полуцыганка. В ту же ночь в самом Шаше исчезала кукуруза, а у нас во дворе сожрали мешок с кислой сметаной. Он висел на вишне, а я же под этой вишней спала! Утром отец показывает пустой мешок и следы алмаста – в кулак глубиной! Они шли к вам от вишни через хлопковое поле. Шашские алмасты – самые воровские в мире, но не шашцы они, клянусь, и шашцы не алмасты, Малика. Сметану съели, я внизу спала.

– Я бы тоже не тебя выбрала, – подумав, сказал голос полуцыганки, и дрогнувший голос Зарины ответил ей:

– Наших воровали, пока Манижа не исчезла. Наши статные, сильные, как раз в горах бегать. Одну третью увели, и бабы перестали кушать, чтоб алмастам не понравиться. Курутоб (11) не ели! А рябая Манижа-толстуха ест и ест. “Что, женихов не боишься?” – спрашивают бабы и хохочут: ее замуж в Семурге не взяли, а в Шохе пообещали, но через тысячу лет. “Как Бог даст”, – говорит. И украли ее. Серебряный алмаст – вожак стукнул ее у речки веткой по голове и унес в горы. Отец порадовался и забыл. Но с тех пор ни одной бабы, ни одного зернышка у нас не исчезло. А отец ее смотрит однажды: его клевер скошен и в снопы повязан. Потом хвороста нанесли до крыши, потом всю тыкву собрали. И везде следы алмаста... Видели их однажды на Грачье гора. Сидят, обнявшись, рощу слушают...

– Слышала, – кивнула Амина. – Он даже зерно ему обмолачивал. За ребенка.

Я засмеялся.

– Ты что?! Их самки рожать не могут, – упрекнула меня фурия. – Фляжка...

– Из-за Мустафо-летчика, – добавили за боксами.

Амина, откашлявшись, сказала:

– Об этом, не о Мафтуне пиши. Молчишь, как дурак. Он Латифу год уговаривал, в водопад прыгал и уговорил. Но с других кишлаков тоже уговаривали, и боялся Мустафо. И вот – мы маленькие были – его папа уже надел чапан, чтобы ехать с ним к ее родителям, а его на Семург бросили. Он даже стулом угрожал. Нет, говорят, вначале накрой три тысячи. Он залил яду и полетел в Семург на своем Ан-2, поливает сверху. А диспетчер – шохский – по радио шутит: “Латифа, – говорит, – в Шох, что ли, или в Семург уехала с кем-то прощаться”. Мустафо разворачивается – и в Шох. Все трубы с антеннами там поносил, пока Латифу выглядывал. Диспетчер, начальство плачут, клянутся: “Шутка, шутка”, а он над крышами носится, носится, а яд забыл выключить, и он сыплется, сыплется... Воздух – как сметана был. Потом к нам в кишлак прилетел искать Латифу, потом в Семург вернулся по проселку, потом – к шашцам. Там у него горячее кончилось, и он в Грачью гору врезался.

– Не погиб, на ветки выбросило, – сказала Малика, первой явившись из-за боксов и оправляя по бокам платье.

– На ветки, – сказала Амина. – Он отряхнулся – и к себе в кишлак, а там его Латифа встречает. Во дворе под навесом она перебирала горох – сто свидетелей позвала. Свадьбу отыграли на семьсот человек. В Ходженте живут, цех, лепешечный, что ли, ситцевый, а, Зарина? И... но... – запуталась фурия.

– Самки, – помогла Зарина, выходя следующей из-за боксов.

– Их самки от яда рожать перестали! От самолета Мустафо все разлилось по Грачьей горе – их давней стоянке. Год люди внизу мучались. Как ветер – так в рукава дышали, и самки алмастов, наверху, конечно, повредились. Рожать с того времени не могут, несчастные...

– Нас на хлопке... – сказал я, чтобы сказать что-то, не раздражать фурию, и раздражил.

– И рожать теперь не можешь? – сказала она. – Яд по ним разлился, говорю, поэтому алмасты стали наших баб воровать. А Манижа здоровая была и родила им.

– Она в тот день в овине отчищала, – пояснила Зарина, и фурия рассеянно покивала:

– В овине. А мы, бестолковые, скакали под самолетом. Тоже теперь, дуры, многие не рожаем. – Она потянулась к печке и со смехом лягнула ее: – Бунафшу свекровь к доктору водила через год после свадьбы. Доктор, турок, полазил, говорит: “Давно... болеете?” – “Давно, доктор, всегда”, – кивает. Боязливая она. – “Что, с рождения?” – турок раздражается. “С рождения, доктор, очень давно”, – Буня говорит и на свекровь смотрит. “Может, наследственное? – турок в шутку спрашивает. – Папа, мама бесплодные...” “Да, доктор, – говорит, – наследственное у меня. Тоже они ссильно болели...”

– Что врать, – возразила Бунафша, проходя к очагу. – Я сказала – не знаю.

Амина зевнула.

– Наим говорит: меченые вы. В ад без суда пойдете, – сказала она, подперев щеку ладонью. – Как за гробом окажетесь, говорит, Накир и Мункар (12) в один голос вскричат: “Бесплодные? Из Бадьяна? Доносчицы и самоубийцы? Показывайте живот”. И поглядят, где клеймо, и добела раскаленную отомкнут левую дверь...

– Ффить...Ой-бой! – изобразила дальнейшее вернувшаяся Шавли.

Амина покачала головой:

– Я говорю: “Без суда меня даже в Бадьян не отправляли. Родня – мужчины – до утра спорили: отдавать, нет? И решили: если вдову берут, то берется она, кто бы ни был берущий. А Мавлюда, золовка, ударила поднос о землю и сказала: отдающие женщину извергу – сами изверги, кто бы ни были отдающие. Знаете, кто такие бадьянцы? Знаете, что Мафтун жену плетью забил? Пуф, – плюнула в них и расстроилась. Вот так меня почти не отдали, и неужели, говорю, для меня за гробом не найдется больше Мавлюды заступника? А Наим отвечает: “Не будет рая доносчицам, не будет его Зарине, что супругу медвежий корень подсыпала бессовестно...”

– Когда ложку облизывал, было совестно... – возразила Зарина.

– “...Не будет, – кричит, – большинству из бадьянок. Подумай, Амина, отчего и в Книге Книг почти не говорится о райской награде женщинам?” – закончила Амина.

– Не говорится? – спросила с тревогой Бунафша, проснувшись и вскинув голову. И другие бадьянки тоже многие вскинули, но не проснулись.

– “Почти – не все”, – говорю Наиму. – Рай под ногами ваших матерей – где сказано? – продолжала Амина. Она все реже кашляла, все чаще зевала и терла переносицу. – А Умар – поэт из Навобада – такое высчитал и жене Наргизе рассказал, перед тем как умер на чердаке от фронтовцев, а Наргиза... – Фурия похлопала себя по груди. – Мне рассказала в Чусте, в шведском лазарете, где мы лежали с чахоткой. “Из холода в холод не попадают, – Умар говорил, – поэтому на небе женщина попадает в рай, ибо заслуженный ад каждая женщина – по всему списку ее врожденных, гнусных грехов – отбывает на земле”... Он даже трактат начал писать, но его Мафтун на чердаке убил... – Она потрянула головой, борясь с зевотой, и, переборов, закричала: – А ты книгу ему пишешь за деньги! Совесть пропил?

– Я нищий, бадьянка, – ответил я с возмущением.

– Он убийца.

– Меня не убил.

– Убей его, Амина, – расслабленно попросила полуцыганка Малика. – Или себя, или кого-нибудь, чтобы поспали мы.

– К киргизам евнухом приедет, – пообещала фурия.

– Спи, – сказала, опустив голову на запястье. – Евнухи – тоже люди. – И задумалась.

Выждав новых глупостей, я выглянул из-за ветеринарки. Томирис дремала, увлеченная сном и вздрагивая локтями поверх автомата. Ее неожиданно тонкий храп болящего жеребенка искусно оплетал общий рокот у очага. Выгнувшись к земле, бадьянки спали тем сном, какой бывает в те опасные минуты, когда, летая в небытии, легкомысленная душа человека почти касается смерти. Предутренный горный ветер задул фитили. Стало еще холоднее.

Опершись о колесо, я думал о женщинах.

Гуляя взад-вперед, думал о Боге.

Выдравшись из хлопка и пробираясь узким лунным бродом по Бадьяну, думал о вине женщин перед Богом, о том, что Амина – Томирис, что трезв, что уеду в Чон-Алай, что не уеду в Чон-Алай, что из проулка навстречу движется стая звенящих алмастов, обожающих брошенные кишлаки. Они обхватили меня и тычком увели обратно, и по дороге Мафтун смеялся мне в ухо, рассказывая, как навалились на баб-часовых, а те, со сна подумав на алмастов, кричали, отбиваясь, что бесплодные они. Рассказал, что бадьянок, ушедших в свои кишлаки с детьми, еле перехватили в километре от душанбинской автотрассы.

– Позору было бы! – показывал он щепотку.

– А где Джамал? – спросил я, когда мы подходили к уже

рассветающему хлопчатнику.

— Вот Джамал, — ответил он, на ходу давая очередь поверх боксов.

Я видел, как первой очнулась фурия. Она слетела с крыльца и слепо заозиралась автоматом. Полуцыганка Малика и Зарина что-то закричали ей от очага. Бунафша, уже на коленях, быстро скатывала ковер. Свежая, будто не со сна, Шавли воинственно заплясала с ружьем в руке. Другие женщины, толкаясь, бежали к ветеринарке и заглядывали в ее побитые окна. Мафтун стрелял и стрелял в воздух. Из-за его спины в хлопковое поле вбежали бадьянцы и струились там десятками промоин, обхватывая станционный мыс в сходящиеся клещи. На той стороне опасно завопили. Мафтун отыскивал на ягодице магазин.

— Не будет Джамала, — объяснил, нашаривая. — Я его им сую, когда они грузовик захватывают или в коровнике запираются с соляжкой. “Не сжигайтесь, — прошу тогда, — мы Джамала бадьянского позвали”. Они сидят ночь — и размягчаются. А утром их в плен берем. Три раза так было.

— И верят? — поразился я.

— Нет, — поразился мне полковник. — Дуры, что ли?

На автостанции метался хаос. Одним краем он лез в ходящую ходуном ветеринарку, другим, яростно крича, готовился к обороне, размахивая автоматом и ружьем. На песчаный берег уже выскакивали первые мужчины. Осмотрительными зигзагами они двигались вверх к боксам. Я сжался в ожидании крови. Мафтун, чуть впереди меня, водил шеей. Когда Амина и Шавли целились в передних бадьянцев, он наклонялся и с интересом потирал колени. Когда из ветеринарки высыпали женщины и бежали за автостанцию, он фыркал. И, ударяя меня в селезенку, хохотал, как ребенок, когда Амина с Шавли, бросив вдруг оружие в набегавших мужей, кинулись вслед за остальными.

— Влево... левее! Амина! — кричал он беглянкам и утирал

добродушные
слезы. – Чон-Алай на западе...

Но во вселенском, багровом от горизонта до горизонта
бадьянском хлопке женщины убежали от мужей кто куда.

– Цирк, – сказал Мафтун, и не хлопком, а длинной грунтовой
дорогой мы пошли в Бадьян. – Смотри, – весело предостерегал
меня полковник, – завтра наплетут что-нибудь – и мужики убьют
тебя.

– Что наплетут? – спросил я.

– Все. Как о рае, алмастах. Как про сад.

– Гранатовый, – сказал я.

– Уф! Из Бешкента она. Там одни солончаки, – сказал Мафтун.

Через неделю, взяв деньги, я уехал в Душанбе.

Алексей ТОРК.

(1) Курбока – лягушка.

(2) Маймун – обезьяна.

(3) “Кушайте сахар” – таджикское приветствие.

(4) Хукумат – районная администрация.

(5) Шурбо – традиционный таджикский суп с мясом и овощами.

(6) Михраб – молитвенная ниша в мечети, указывающая
направление на Мекку.

(7) Глотателями российская милиция и пресса называют
контрабандистов, преимущественно граждан СНГ, пытающихся
проникнуть в Россию, заглотнув так называемые контейнеры –
капсулы или резиновые мешочки с наркотиками.

(8) Минорки – порода кур.

(9) Алабай – среднеазиатская овчарка.

(10) Алмасты – мифические полулюди-полузвери.

(11) Курутоб – национальное блюдо из лепешек и кислой сметаны.

(12) Накир и Мункар – ангелы, ведущие допрос человека сразу

после его смерти.

Впервые было опубликовано в журнале «Дружба народов»

* * *

Алексей Торк (Алишер Ниязов) родился в 1970 г. в Душанбе. Работал в таджикских СМИ. С 1996 по 1999 год был корреспондентом ИТАР-ТАСС в Киргизии, в 2000-м – спецкором программы “Время” (канал ОРТ), потом корреспондентом РИА Новости в Киргизии и Казахстане. Освещал военные конфликты в Таджикистане и на юге Киргизии. Писать прозу начал в 2000 г. Первая литературная публикация (рассказ “Пенсия”) состоялась в “ДН” (2006, № 7). Рассказ был инсценирован МХТ им. Чехова под названием “Тутиш”. См. также подборку его рассказов в “ДН”, 2007, № 4. Некаýalar